

СИТУАЦИЯ Ц

* * *

Ситуация А. Человек возвратился с попойки

В свой покинутый дом, на простор незастеленной койки,

Как шахтёрская лампа спускается в душный забой.

Он подобен корове в канун обязательной дойки,

Но доярка в запое, и что ему делать с собой?

Он прикроет окно, где свинцовые звёзды навывлет,

Сигарету зажжёт, бельевую верёвку намылит

И неловко повиснет, скрипя потолочной скобой.

Ситуация В. Соблюдая отцовский обычай,

Он пройдёт до конца по тропе орден и отличий,

Приумножит почёт и пристойный достаток в семье.

Но проснётся душа, словно осенью выводок птичий,

И останется плоть остывать на садовой скамье.

Он ложится навек под ковёр замерзающих пашен,

Погребальный пиджак орденами богато украшен.

Что он выиграл, бедный, с нетронутой болью в лице?

Ситуация А. Ситуация В. Ситуация С...

(Алексей Цветков)

Четверть века назад, когда мы познакомились, Алексей Цветков был сложившимся двадцатипятилетним поэтом; а я, недавний школьник, только начинал заниматься литературой. Теперь мы с ним, вопреки арифметике, ровесники. Но моё юношеское восхищение его талантом не претерпело изменений, хотя с годами многие установления и авторитеты былого, мягко говоря, сдали.

Цветков – уроженец провинции; не знаю как где, но в России это значимое понятие. Провинциализм, истолкованный как личная обида, оставляет на потерпевшем пожизненную печать растиньячества. Но недюжинная личность, теперь я о Цветкове, волна ощутить провинциальность, как иносказание о здешнем прозябании и томлении, как притчу о человеческой неполноценности, и возвести факт биографии в степень духовной жажды.

Одна из характеристик таланта вообще – это как раз обострённое чувство онтологической ущербности, жадное и ревнивое, подростковое и провинциальное отношение к миру. *Сомте il faut* Толстого, великосветская озабоченность Пушкина – того же происхождения. А "полноценный" человек, "столичный" человек – одновременно и уморителен и чудовищен.

Уже к началу знакомства Цветков обогнал в учёности друзей, за последовавшие годы мы отстали от него навсегда. Я не считаю его лучше или сильнее прочих замечательных людей, с которыми сводили меня обстоятельства – нет; он человек как человек, хороший человек. Но исключительную насыщенность и драматизм цветковской внутренней жизни я объясняю тем, что он, как и все мы, грешные, хочет себе нравиться, но – и в этом его особенность – не может, если не почувствует за собой всей правоты. В этом тщетном стремлении совпасть с истиной, не подгоняя её под себя, – мало смирения, но какой стимул для развития!

В молодости бездельник и прожигатель жизни, в литературе он всегда был изувером. На исходе хрущёвской оттепели бытовую поэтическую вольницу охотно путали с литературными вольностями от неумения; у Цветкова

была воля – он писал венки сонетов.

Пастернаковское назидание по поводу архивов и рукописей Цветкову незачем принимать к сведению: он – и здесь я не встречал ему равных – с великолепным равнодушием относится к уже написанному, более того, на том стоит:

Помнишь, у тебя

(у нас, пожалуй) был такой приём самооценки: если, перечтя свои стихи по истеченье года с момента авторства, находишь их хотя бы сносными – затей другую карьеру...

Будто ему жизни немерено, или он знает за собой способность поражать ещё и не такие цели. В быту Цветков скорее буржуа, чем дервиш. Но его максималистский перенос жизненного

С.Богуславский. "Одиссей на Итаке"

итога за горизонт жизни – вполне непрактичен и свидетельствует об уровне притязаний, мало похожем на обычное честолюбие и, тем более, тщеславие.

Поэзии, как известно, положено быть глуповатой. Любить жизнь и не приставать к ней с расспросами. Цветков же только тем и занимается, что взыскует смысла. И, странное дело, ему это сходит с рук. Вероятно потому, что анализ, рефлексия, помноженные на авторский темперамент, изменив своей природе, превратились в страсть. Вот какими словами заканчивает он любовное стихотворение:

Я в руки брал то Гуссерля, то Канта,
И пел с листа. И ты была со мной.

Творческий путь Алексея Цветкова изобилует крутыми поворотами, но казнь рассудком, горе от ума остаются неизменными на всех виражах этого маршрута. Отсюда и пренебрежение к вдохновению, связанному для него с помрачением сознания.

Чрезвычайно развитое воображение позволяет Цветкову не только создавать двухъярусные сравнения, вроде: "И месяц врезался в неё топором, шербатым, как профиль Шопена...", но и строить целое большое произведение на развёртывании и реализации метафоры. Сюжетом книги "Эдем" послужило расхождение в СССР образное отождествление эмиграции со смертью.

Книга оставляет сильное и гнетущее впечатление. Это рассказ о вырождении двойника поэта, продолжающего на родине жизнь в сослагательном наклонении. Весь круг цветковских неотвязных тем и настроений попал в фокус его последней поэтической работы и придал ей сложный пафос желчности, набожности, гордыни, презрения и отворачивания к жизни и людям. Такой темперамент обращает всю нерастратченную приязнь на тех, кто не замешан во взростом человеческом бытовании, иначе говоря, в грехопадении, – на Бога, детей, животных. Недаром у Цветкова столько зверья в стихах, а есть и книжка для детей – "Бестиарий". Недаром евангельское стихотворение из "Эдема" – шедевр религиозной лирики.

Мизантропия и сатира, гордыня и морализаторство – эти этапы гоголевской духовной эволюции реальны и для Цветкова, но, по счастью, он – эстет до мозга костей и в конце концов почти всегда берёт сторону искусства.

"Эдем" замечательно задуман и очень драматичен. Книга даже драматичнее, чем представляется, и внимательный читатель обнаружит в ней не только повесть о человеческом поражении героя, но и злоеущую и мастерски воссозданную агонию русской поэтической речи. Она на глазах читателей утрачивает привычный облик, впадая в речеподобную бессмыслицу, в цитату, в темноту, в неразрешимую витиеватость, теряет оснастку размера и рифмы и, наконец, становится речью английской.

Мучительная языковая метаморфоза, точно оборотничество в фильме ужасов, становится главным литературным событием "Эдема". Происходит перерождение клетки стиха – меняется его фонетика: звонкие и сонорные вытесняются свистом и стрёкотом глухих и шипящих. Интонация – всё реже вдох и выдох, всё чаще – задыхание от негодования. У стихов садится голос, они переходят на шёпот и умолкают. Герою, alter ego поэта, исполняется тридцать семь лет, о чём он со значением упоминает в одном из стихотворений. К лирике Цветков с тех пор не обращается. Он начинает писать поэму в прозе под названием "Просто голос". Превращение в "Эдеме" "шума и ярости" жизни в "визг и скрежет" – трагично, и шекспировский рык, на который подчас срывается автор, не кажется чрезмерным.

Если кому-либо на минуту покажется, что я не превозношу, а сужу Цветкова, пусть обратит внимание на то, в ряду каких имён я поминаю его имя.

Есть писательские судьбы впечатляющей многозначительности. Наблюдателя передёрнет от догадки, какое личное дело литература, какое предельное... На эту черту вывел Цветкова его редкий талант.

Итог возможных претензий к Цветкову – чтобы он перестал быть Цветковым. И кем тогда? Ивановым, Петровым, Сидоровым? Вряд ли он соблазнится. А потом, помянутые поприца по праву рождения уже в работе.

"Ситуация А, ситуация В, ситуация С..."

СЕРГЕЙ ГАНДЛЕВСКИЙ

1996 N15